

«И в ночи январской беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.»

А. Ахматова

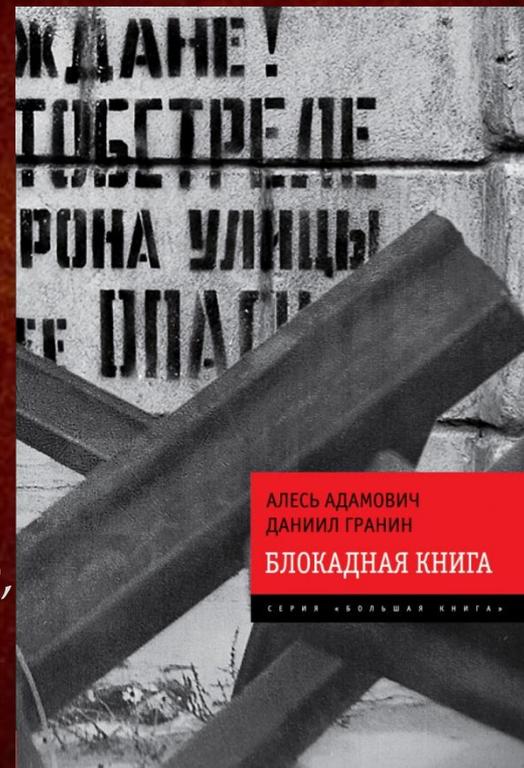
Ленинградские дома, квартиры блокадников...

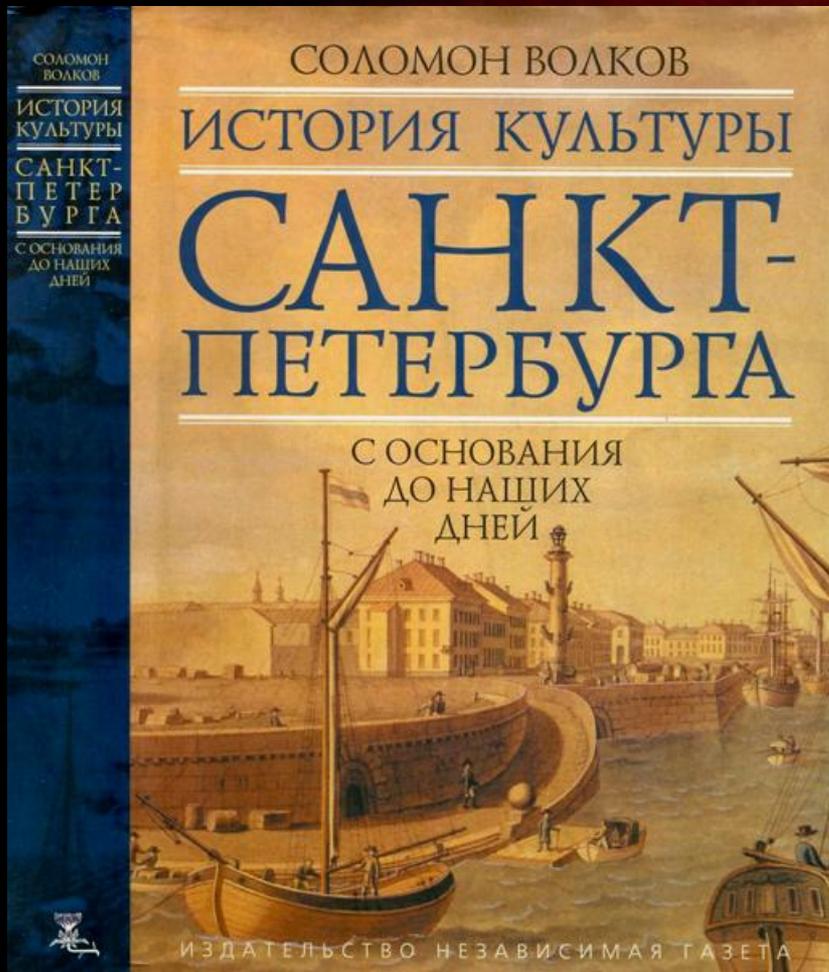
...Тут его, ленинградца, обстреливали, обрушивали на него смерть — снаряды, бомбы. Тут его истребляли голодом. Он потерял здесь столько близких, соседей, здоровье потерял. А сейчас (здесь же!) живет, как все. Как все, только со всех сторон окружен памятью...

И в нем самом она, та память о блокаде, о всем выстраданном, пройденном, пережитом вместе с миллионами других ленинградцев, которых уже нет, за которых тоже надо помнить, а если спрашивают — рассказать...

«Столько лет прошло, забывается все...»

Но ничто не забыто — эти родившиеся в Ленинграде же слова звучат и как уверенность и как надежда, просьба. Да, не забыто — разве может человек такое забыть, даже если бы и хотел, имел право?! Да, все это помнят еще живущие блокадники. Они блокаду выдержали, они переносили ее изо дня в день, сохраняя человеческое достоинство. Но мы, мы, не пережившие этого, или сегодняшние молодые, — имеем ли мы право не стараться узнать обо всем, что вынесли, пережили, перестрадали, сделали и ради нас они, ленинградцы?!

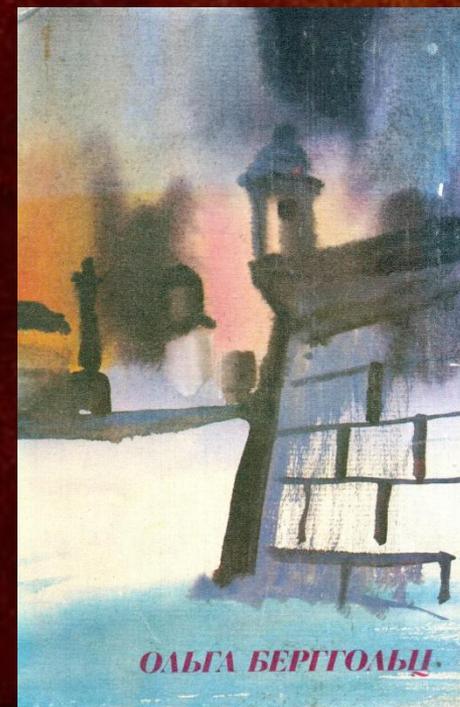
Читая книгу Волкова, постепенно проникаешься поразительным ощущением, что на твоих глазах всплывает из глубин временного потока Китеж русской культуры, не истребленной, но скрывшейся от нового татарского ига. И этот таинственный мир населен не произведениями и событиями, но живыми людьми.

И мы, сострадавая и ужасаясь, читаем горькую повесть о том, как поэты, прозаики, композиторы и художники во все времена спасали честь русской культуры, реализуя победу творческого духа над самым изощренным насилием.

Яков Гордин

Войска Гитлера сомкнули вокруг Ленинграда кольцо блокады, длившейся с сентября 1941 по январь 1944 года. Эти 29 месяцев знаменовали самый трагический период за все существование города, вошедший в историю под названием «900 дней», в течение которых из 3 миллионов (или около того) жителей Ленинграда от бомбежек, артобстрелов, болезней, но главным образом от голода умерло, по разным подсчетам, от 1 до 2 миллионов. (Точное число жертв блокады, как и тех, кто погиб на строительстве города, вряд ли когда-нибудь удастся установить: сталинская статистика была заведомо недостоверна, власти с самого начала, по политическим причинам, пытались скрыть и исказить истинное положение вещей, и обнародованные данные, безнадежно искаженные, еще долго будут интерпретироваться по-разному.)

В эти годы город ближе, чем когда бы то ни было за свою к тому времени 240-летнюю историю, подошел к осуществлению легендарного проклятия царицы Евдокии Лопухиной: «Петербургу быть пусту!»

Историки продолжают споры о том, была ли беспрецедентная по своему героизму и жертвам оборона города необходима и оправдана с военной точки зрения. Не следовало ли Сталину сдать Ленинград и тем самым избежать неопикуемых страданий гражданского населения? Но более чем вероятно, что капитуляция Ленинграда не спасла бы ни город, ни его жителей. Ведь Гитлер в военные годы жаждал разгрома Ленинграда не меньше, а быть может, и больше, чем Сталин в довоенные.

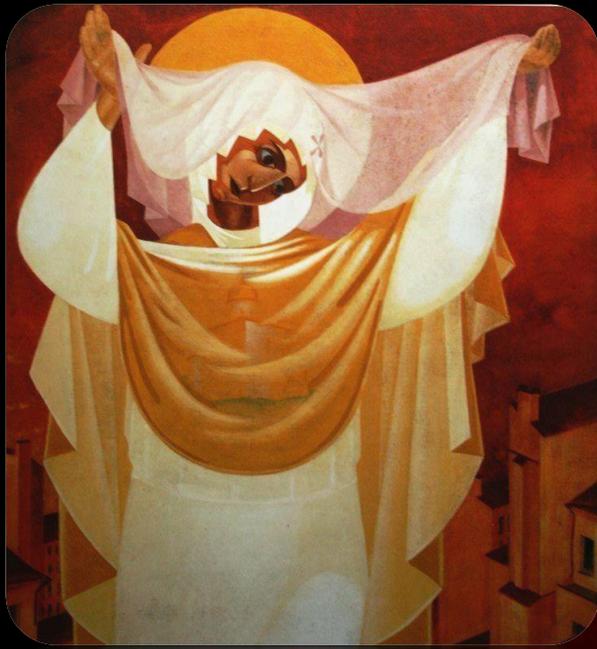
Эти два демона нависли над городом, совместными усилиями почти уничтожив его. Под таким невероятным, невысказанным нажимом любой другой город, вероятно, треснул бы и раскололся как пустой орех, но не этот: упрямый и гордый дух Ленинграда продолжал теплиться, как маленькая свечка в огромном разрушенном храме.

Мой 20
век

ВОСПОМИНАНИЯ
Дмитрий Лихачев

«Человеческий мозг умирал последним. Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы и на лице ясно проступал череп с обнажающимися, смеющимися зубами, мозг продолжал работать. Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренне, «от души» мыслили, проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению, не поддаваясь суете и тщеславию.»

«... Я думаю, что подлинная жизнь — это голод, все остальное мираж. В голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательные, беспримерные герои, другие — злодеи, мерзавцы, убийцы, людоеды. Середины не было. Все было настоящее.»

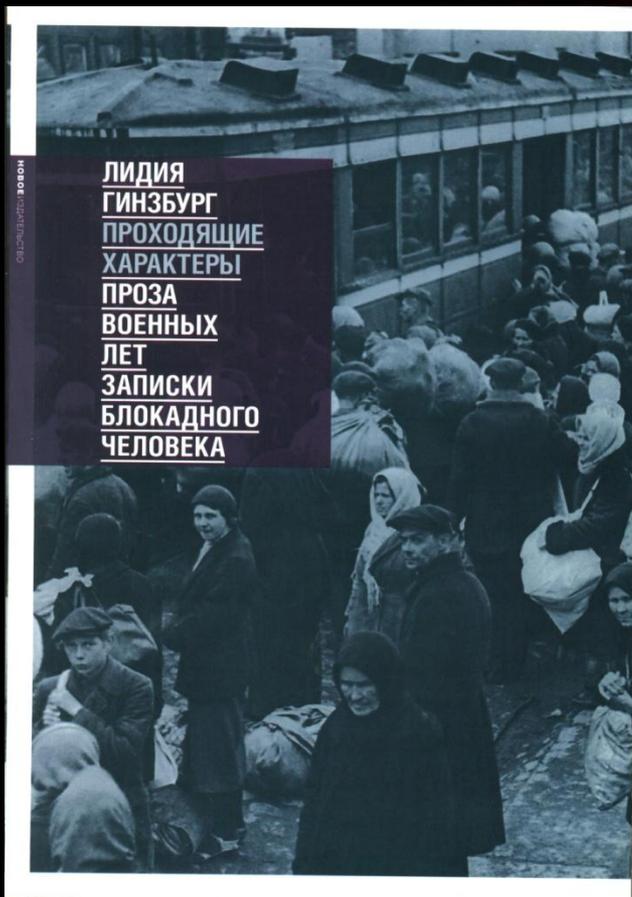

«Покров Богоматери над осажденным городом», 1941

«Художник Чупятов и его жена умерли от голода. Умирая, он рисовал, писал картины. Когда не хватило холста, он писал на фанере и на картоне. Нам передали два его наброска, написанные перед смертью: красноликий апокалипсический ангел, полный спокойного гнева на мерзость злых, и Спаситель — в его облике что-то от ленинградских большелобых дистрофиков.

Лучшая его картина осталась у Аничковых: темный ленинградский двор колодцем, вниз уходят темные окна, ни единого огня в них нет; смерть там победила жизнь; хотя жизнь, возможно, и жива еще, но у нее нет силы зажечь коптилку. Над двором на фоне темного ночного неба — покров Богоматери. Богоматерь наклонила голову, с ужасом смотрит вниз, как бы видя все, что происходит в темных ленинградских квартирах, и распростерла ризы; на ризах — изображение древнерусского храма (может быть, это храм Покрова-на-Нерли — первый Покровский храм).

Надо, чтобы эта картина не пропала. Душа блокады в ней отражена больше, чем где бы то ни было.

«В годы войны люди жадно читали «Войну и мир», — чтобы проверить себя (не Толстого, в чьей адекватности жизни никто не сомневался). И читающий говорил себе: так, значит, это я чувствую правильно. Значит, оно так и есть. Кто был в силах читать, жадно читал «Войну и мир» в блокадном Ленинграде. Толстой раз навсегда сказал о мужестве, о человеке, делающем общее дело народной войны. Он сказал и о том, что захваченные этим общим делом продолжают его даже непроизвольно, когда они, казалось бы, заняты решением своих собственных жизненных задач.

Люди осажденного Ленинграда работали (пока могли) и спасали, если могли, от голодной гибели себя и своих близких. И, в конечном счете, это тоже нужно было делу войны, потому что наперекор врагу жил город, который враг хотел убить. Об этом кое-что здесь рассказано.

АЛЕКСАНДР
РУБАШКИН

ГОЛОС ЛЕНИНГРАДА

Книга критика Александра Рубашкина посвящена ленинградскому радио блокадной поры. На материалах архива Радиокomiteта и, в основном, собранных автором воспоминаний участников обороны Ленинграда, а так же существующей литературы, автор воссоздает атмосферу, в который звучал голос осажденного и борющегося города — его бойцов, рабочих, писателей, журналистов, актеров, музыкантов, ученых. Даются выразительные портреты О. Берггольц и В. Вишневского, Я. Бабушкина и В. Ходоренко, а так же дикторов, репортеров, инженеров, давших голосу Ленинграда глубокое и сильное звучание. В книге рассказано о роли радио и его особом месте в обороне города, а через это и о трагическом и героическом отрезке его истории.

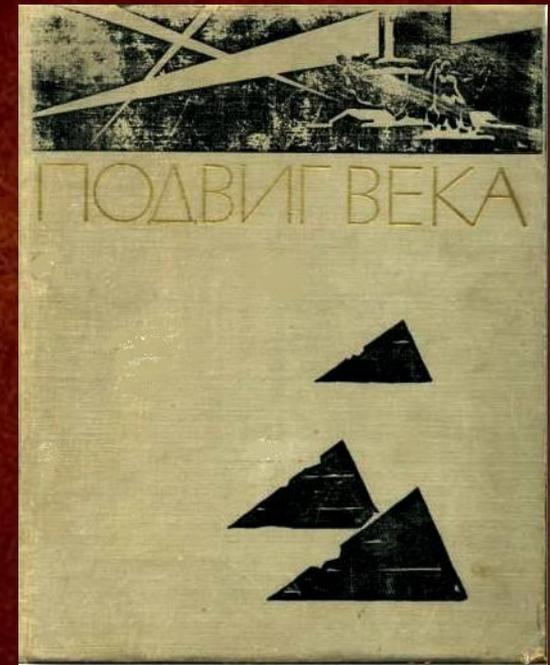
Эту работу высоко оценили ветераны радио и его слушатели военных лет.

Герои и авторы книги — художники, скульпторы, архитекторы, хранители музеев — люди, чей труд вдохновлялся подвигом народа и чья судьба стала его живой частью.

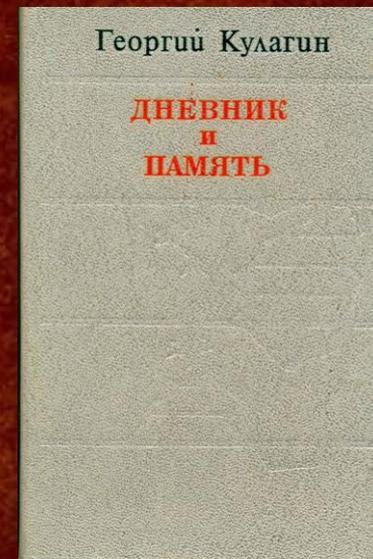
Тут собраны дневники, письма, зарисовки, сделанные часто в бомбоубежище или в землянке, наспех, нетвердой рукой, со сдержанной искренностью, как исповедь перед собой. У них, как писал академик архитектуры Александр Сергеевич Никольский о своем блокадном дневнике, «тираж — один-единственный, именно этот экземпляр, первое и последнее издание».

Из материалов сборника вы узнаете о том, как снимались со стен и накатывались на специальные валы полотна Рембрандта, Иванова, Брюллова, Репина и как укрывались от вражеских бомбежек бесценные памятники Ленинграда.

Перед вами раскроются тяжелые двери блокадного Исаакия, подвалы Эрмитажа и Академии художеств — убежищ, в которых отчаяние никогда не пересиливало мечту, — здесь не только говорили о пайках, дрожжевом супе и лекарствах, но и набрасывали проекты новых кварталов города и находили краски, чтобы запечатлеть гордую, морозно-седую красоту Ленинграда в ту жесточайшую из всех зим.

В исторической литературе, посвященной героической обороне Ленинграда, разгрому фашистских войск у его стен, к сожалению, есть досадные пробелы. Они связаны главным образом с показом будничных дел горожан. Жители города подвергались налетам фашистской авиации, систематическим обстрелам, голод косил их с не меньшей беспощадностью, чем вражеский огонь солдат на переднем крае обороны. Но ленинградцы продолжали жить, работать, заниматься будничными делами, не задумываясь, что потом их жизнь и работу назовут — и по праву — героической.

Голод, обстрелы, холод, отсутствие света не располагали рядовых ленинградцев к ведению дневников. Поэтому каждый из подобных документов представляет чрезвычайную ценность. Естественно, любой из них в отдельности не в состоянии ни объяснить то, что помогло ленинградцам выстоять, ни дать сколько-нибудь обобщенную картину пережитого. Дневник, даже если он написан рукой талантливой, человеком зорким, предельно честным, всегда лишь свидетельство одного очевидца, с одному ему присущим видением происходящего.

Искусство по-своему проходило военную службу, и музы — в полдубках, гимнастерках — прошли по всем дорогам от Невы до Берлина, чтобы приблизить час, когда замолчат пушки.

Не все, созданное тогда художниками, выставлено в картинных галереях. Многие наброски, зарисовки вы увидите только в этой книге — они так же сокровенны, как страницы дневников.

Но без них, без вдохновенного и выстраданного опыта войны, не было бы потом ни монументальных полотен, ни мрамора и бронзы памятников главных площадей и мемориальных кладбищ.

Итак, еще одна книга о блокаде. Книга-памятник. Книга-собеседник.

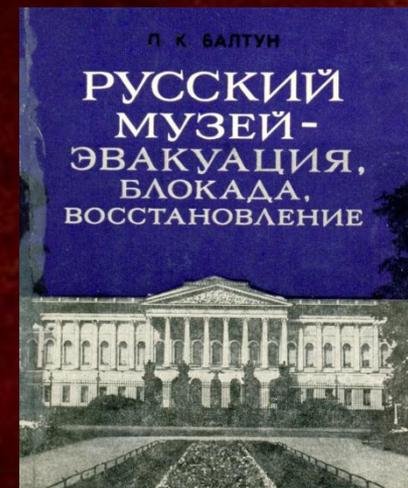
Документальная повесть воссоздает самую драматическую пору истории знаменитого музея — годы Великой Отечественной войны и легендарной обороны Ленинграда.

Восстанавливая события тех лет, авторы показывают «гражданский гарнизон» Эрмитажа, рядовых музейных работников и всемирно известных ученых, которые в одном строю, под бомбежками и обстрелами, преодолевая голод и холод, героически спасали и спасли для советского народа и всего человечества один из величайших музеев мира.

Очень верно сказал академик И. Э. Грабарь, что «никогда мир не был свидетелем таких чудовищных разрушений памятников культуры, какие учинены фашистскими захватчиками на территории Советского Союза. Война всегда приносит ущерб... Но частичные разрушения, обычные для прошлых войн, — в корне иной природы, нежели разрушения, совершенные фашистами. Тогда они являлись в результате боевых действий, теперь, впервые в истории, они производились преднамеренно, планомерно, по прямому предписанию Гитлера и его генералов-вандалов, объявивших на весь свет, что «памятники искусства на Восточном фронте не имеют значения и подлежат разрушению». Книга рассказывает о Государственном Русском музее в период Великой Отечественной войны, о спасении его художественных ценностей в условиях блокады Ленинграда, о культурно-просветительной и выставочной деятельности в осажденном городе и на Урале, куда были вывезены музейные коллекции.

Автор — очевидец и активный участник событий: в 1941 — 1951 годах он исполнял обязанности директора Государственного Русского музея.

Книгу дополняют отрывки из дневника заместителя директора музея Г. Е. Лебедева, который он вел в годы блокады.

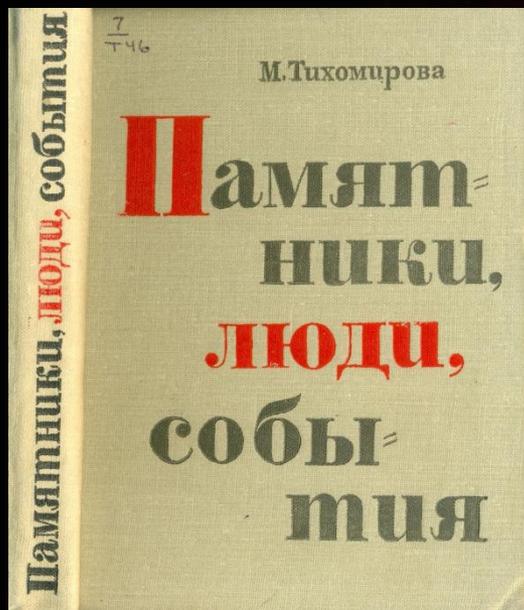
Фашисты безжалостно разрушили замечательные пригороды Ленинграда с их дворцами-музеями и историческими парками, которые были драгоценным народным достоянием. Их восстановление стало делом важным и нужным всему народу, объединило советских людей самых различных специальностей, и в разоренных местах вновь возникли парки, а из обгорелых руин встали дворцы.

Такие невиданные по масштабам восстановительные работы, потребовавшие не только громадных средств и усилий, не только знаний и доброй воли, но и глубокой любви к произведениям искусства, возможны только в нашей стране.

В самые тяжелые времена и в блокированном Ленинграде и в тылу бережно сохранялись произведения искусства. Тщательно и любовно воссоздавались разрушенные памятники.

Автору довелось быть среди музейных работников в блокированном Ленинграде, а затем принимать участие в восстановлении Петергофа — Петродворца. Как это было — рассказано в книге.

Здесь рассказано о людях и произведениях искусства, их кровной связи, которая сказала с особой силой в тяжелейших условиях военного времени, в период блокады Ленинграда и в трудные первые послевоенные годы.

Герои книги в основном музейные работники. Но в годы Великой Отечественной войны в нашей стране не было мирных профессий. Каждый советский человек вносил свой вклад в общенародное дело разгрома фашизма, а потом участвовал в борьбе с разрушениями, возвращая жизнь и красоту нашей родной земле.

Ленинградцы прошли нелегкий путь. Изнуренные голодом, обессиленные ужасающими условиями жизни, под вражескими бомбами и снарядами, люди черпали силы в тесной связи со своим городом, в высокой гордости его славными традициями, его красотой. Замечательные памятники и здания Ленинграда стали не только реликвиями, но и участниками событий, жили вместе с людьми, помогали им переносить трудности и лишения, вдохновляли на подвиги.

Олег Ванеев «О КАМНИ! БУДЬТЕ СТОЙКИМИ, КАК ЛЮДИ!»

Фото летопись блокадного Ленинграда

«Всматриваюсь в старую фотографию.

Сколько помню себя, каждый день проходил
я этим перекрестком.

Набережная Фонтанки. Угол Невского.

Чугунная ограда поднимается к Аничкову
мосту.

Здание библиотеки имени Маяковского, а в предвоенные годы —
районный Дом пионеров и школьников... Здесь, на сцене ДПШ, мы,
драмкружковцы, репетировали мольеровского «Мещанина во дворянстве».
Было это перед самыми экзаменами.

...Весна. Только что окончился первый — и единственный — наш спектакль.
Город светел, засыпает. Вода в реке неподвижна, кажется лаковой. Над ней
— на перекрестке набережной и проспекта — вздыбленные клодтовские
кони.

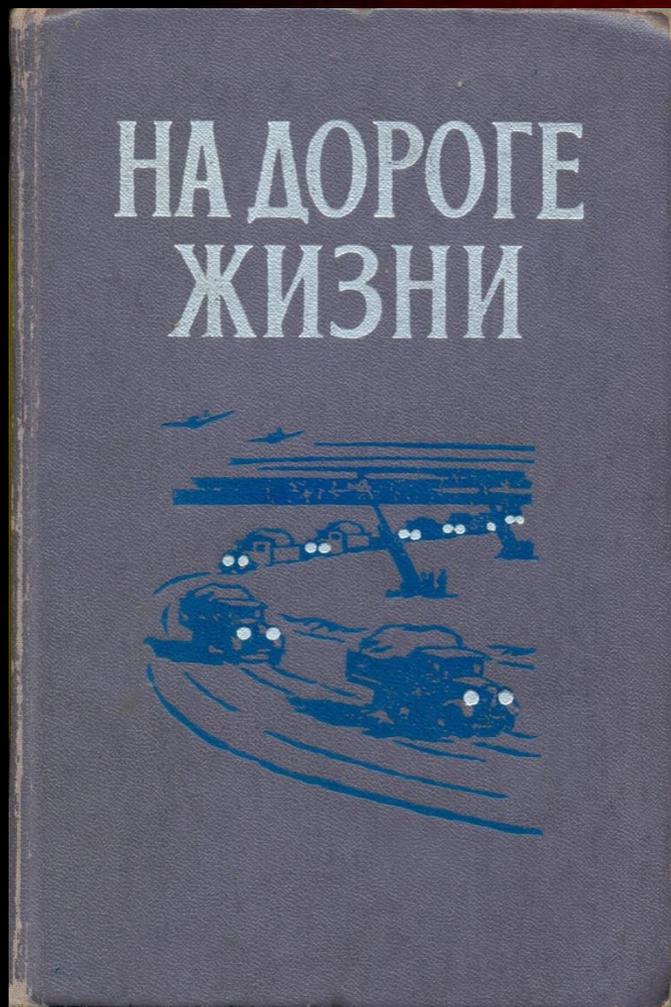
Еще нет таблички возле скульптуры — той, что на солнечной стороне
Невского, самой опасной при артиллерийских обстрелах: «Это следы
одного из 148478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941
— 1944 гг.». И самих следов па граните — его ран — тоже нет: на Думской
башне еще отсчитывается мирное время, отсчитываются последние
мирные дни...»

« 22 июня 1941 года

С утра, не включая радио, работал дома. Обратил внимание, что очень уж упорно гудят самолеты. Включил радио — было два часа дня. Услышал сначала сообщение ПВО о введении угрожаемого положения. Оно повторилось дважды. «Учебная тревога, что ли?» Но ровно в два — речь, уже обошедшая мир, записанная на пленку. Первое впечатление: ощущение, будто, нарушив космическое равновесие, темная, враждебная масса ворвалась в атмосферу Земли. И вслед за сумятицей мысли сразу ясность: все мое личное, неразрешенное, беспокоившее до сих пор, — с этой минуты незначительно и для меня неважно. Его нет, будто оно смыто внезапной волной. И мгновенное решение: мое место — в строю, немедленно, сегодня же!...»

Переиздавая сборник «На Дороге жизни», издательство значительно расширило его тематические рамки. В сборнике рассказывается не только о тех, кто работал на льду Ладоги, но и о моряках Ладожской военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства, о железнодорожниках — обо всех, кто в сложнейших условиях снабжал воинов Ленинградского фронта и ленинградцев всем необходимым для борьбы и победы.

Сборник, повествующий о замечательных людях и их делах, поможет читателям, особенно молодым, полнее представить величие подвига, совершенного советским народом в годы войны.

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Да что там имена! – захопываю святцы;
И на колени все! – багровый хлынул свет,
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Анна Ахматова

